

ЛОРАЕРОН

ВОСТОЧНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

ШТОРМГРАД

ПРЕОБЫЕ

КРАСНОГОРЬЕ

БОЛОТО
ПЕЧАЛИ

ВЫЖЕННЫЕ ЗЕМЛИ

ЧЕРНЫЙ ПОРТАЛ

ЛУННАС

ЛУННАЯ ПОЛЯНА

КАЛИМДОР

АДОРФНИЙ АСАМА
ТАММУДИ

КОНИСТЫЕ
ГОРЫ

АСТРАНАР

ОУМАННИ
САМАННИ

СЕРЛОСЬ
КРОМТЪР

АДЛЕРЬ-ЖИДЕЛНИИ

ОУМАННИ СТРЪЖИ

УМАННА
ИЗЪТНА

ГРОМОВОЙ
УЛЪС

МУЛГОР

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ЗАВЪТЪИ
ГОРЪЛ

ФЕРАЛАС
ТЫСЯЧА
ПУТЯ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ОУМАННИ
САМАННИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ НОВЫЕ БЕРЕГА

Ему снился дом, Приозерье... по крайней мере, сам он вначале подумал именно так. Вот он в кузнице отчима, смотрит, как нагревается, раскаляется докрасна горн, а вот сам он охвачен пламенем, взметнувшимся ввысь от цепких черных щупалец, накрепко прижимающих руки к телу.

Затем, как будто одного этого мало, Арамар Торн снова увидел перед собой искаженное жестокой гримасой лицо убийцы отца, самого злобного, отвратительного человека на весь Азерот — Малуса, капитана «Неотвратимого». С рыком склонился он над Арамом, придвинулся так близко, что ноздри защекотал запах пота, струящегося с его лба. Мать нередко говаривала, что нутро скверного человека непременно проявит себя, вот это-то с Малусом и произошло: некогда благородное, его лицо — и глаза, и губы, и прочие черты — годилось теперь лишь для недоброй усмешки, лишь для гримасы презрения.

Ему нужен был волшебный компас с шеи Арама, и, чтобы заполнить его, Малус не останавливался ни перед чем — даже в Арамовы сны ворвался незванным.

— Я дал тебе все шансы, мальчик. Все это ты навлек на себя сам. Каков отец, таков и сын, — зловеще прошептал он.

Казалось, память увлекла Арамара назад, в Прибамбасск, в дом Винифред; казалось, он снова опутан по рукам и ногам жуткой магией, не дающей ни шевельнуться, ни даже вздохнуть — одинокий, отчаявшийся, понимающий, что каждый новый миг может стать в его жизни последним. Арам схватился за абордажную саблю, но вспомнил, что против темных сил она бесполезна, и потянулся к эфесу незавершенного кристального меча, заткнутому за пояс. Потянулся... и ахнул. Рукояти за поясом не оказалось. Но как?..

Теперь он действительно остался ни с чем. На этот раз Свет его не спасет, а огромная рука Малуса медленно тянется к шее, чтобы сорвать с нее самую драгоценную для Арама вещь — вещь, которую он обещал отцу сберечь, сберечь, во что бы то ни стало.

— Тик-так, — прошипел Малус. — Твое время истекло, мальчик.

И тут кошмар развеялся с той же быстротой, с которой возник. Малус словно взорвался, обернувшись клубами густого черного дыма, так что от него осталась лишь пара глаз в темноте. Почувствовав, как что-то сдавливает плечи и грудь, Арам с криком проснулся, забился, рванулся прочь... и с радостью обнаружил, что смотрит прямо в глаза сестры, Макасы Флинтвилл.

Все это вышло почти как на «Волноходе» — там, на борту, Макаса каждое утро будила его непреклонным: «Арамар Торн! А ну вытряхивай из койки свои жалкие кости!»

Эти слова Арам слышал от Макасы так часто, что они отпечатались в памяти на всю жизнь. Но на сей раз она не кричала на него, не торопила, а только тревожно хмурила темные брови.

— Братишка? Мы приземлились. Идти пора.

— Ага, конечно, — прошептал Арам. — Конечно. Я скоро.

— Страшный сон? — спросила Макаса, отступив от него, взвалив на спину собственную поклажу и дважды проверив, на месте ли оружие и фляга с водой.

— Ты себе не представляешь, насколько, — пожившись, ответил Арам.

Остальные уже сошли с борта построенного гоблинами дирижабля, и потому он бросился поскорей собирать пожитки, хотя пальцы были скользкие от холодного пота. Избавиться от кошмара не удавалось. Обычно сны ему снились о Свете, указующем верный путь, защищающем от беды, но сегодняшний... Он надеялся, что этот сон не предвещает ничего скверного в будущем. Впрочем, стоило ли удивляться, что невероятные, нередко жуткие события последних недель возвращаются, преследуют его в сновидениях? Ведь большинство двенадцатилеток тревожатся разве что о том, как бы не проспять в школу, или как бы их не застали целующимися за домиком Боумен, а вот Арам, в огромного размера капитанском плаще отца, вооруженный абордажной саблей, с волшебным компасом на

груди, с недавних пор чувствовал себя уже не мальчишкой — скорее, взрослеющим юношей.

Возможно, он *вправду* взрослеет? В конце концов, они так далеко от начала пути! Для него, Арама, весь этот долгий, извилистый, полный опасности и приключений путь начался с морского плавания, в котором он должен был поближе познакомиться с отцом, однако нехитрый отцовский замысел пошел прахом в тот день, когда корабль их потопил презренный капитан Малус. С тех пор, вооруженный верным блокнотом для рисования, направляемый стрелкой компаса и посылаемыми Светом видениями, Арам всеми силами старался исполнить отцовское поручение — разыскать и собрать воедино осколки Алмазного Клинка, рассеянные по всему Азероту. Поручение было исключительно важным. Настолько, что вся его важность просто не умещалась в Арамовой голове, — как и бескрайние просторы Азерота, — но до сих пор он вполне с ним справлялся. Точнее, не он, *они*: ведь, куда бы Арам ни пошел, вокруг него собиралось все больше и больше союзников, включая сюда даже могущественного друида Талисса Серого Дуба, нашедшего в пути смерть, которой он ничуть не заслуживал. Такой же конец вполне мог ждать и Арама, и всякого другого из его друзей, если преграды, лежащие впереди, окажутся ему не по плечу.

Расправив плечи и немножко жалея о том, что полуночным беседам с собратом-художником Мавзодем о технике рисования настал конец, Арам двинулся к трапу. Ладно, чего там жалеть? Да, с гоблином он распрощался, но ведь не навсегда!

Трап был уже спущен, и Арам, стараясь держаться как можно увереннее, не растерять по пути ни достоинства, ни поклажи, спустился и замер. За спиной пенилось море, к востоку и к северу тянулась черная земля, на юге высились горы. При виде ожидающих путников мест его оптимизм слегка угас.

Обугленная долина оказалась... да, именно, что *обугленной*: едва Арамар Торн покинул борт дирижабля Газлоу, «Пниоблака», в легких запершило от пепла и дыма.

«Сам не знаю, чего я ожидал», — хмыкнув, подумал он. Похоже, остальных предстоящее путешествие через выжженные, потемневшие земли ничуть не радовало, однако Арам отчаянно старался найти в них и положительные стороны. Дымящиеся холмы, ярко-алые угли на фоне черной гари... от всего этого веяло дикой, суровой красотой. «Да, нелегко будет ухватить, запечатлеть ее величие на рисунке, — подумал Арам, — но что поделать? Таково уж ремесло художника, а значит, надо попробовать».

Под ногами, вдоль берега, тянулась полоска нетронутого песка, носки сапог едва касались почерневшей травы у опушки горящего леса. Ветер, принесший с собой тучу пепла, взъерошил темные волосы мальчика,дохнул в лицо сухим жаром, однако Арама пробрала дрожь. Стоявшая рядом Макаса, названная сестра и спутница, превосходившая мальчика и ростом, и храбростью, протяжно при-свистнула, рассеянно побренчала цепью, крест-накрест пересекавшей ее грудь, и почесала свежий струп на предплечье.

— Далеко же мы от Фераласа, — проворчала она.

Да, так оно и было. Через дождливые фераласские джунгли они шли совсем одни — преследуемые, умирающие от голода, — но там, по крайней мере, имелась вода, шли дожди! А впрочем, нет худа без добра. Здесь они заметят приближение врага издали, а вот в густых туманных джунглях это было бы не так просто.

Воздушный корабль, паривший в воздухе позади, зафырчал, разворачиваясь острым носом к северу. Газлоу, невысокий, зеленокожий гоблин-механик, за время знакомства внушивший Араму немалое восхищение, вздохнул и, потягиваясь, двинулся к ним вдоль берега. Весь прочий экипаж остался на борту — явный признак того, что надолго «Пниоблако» здесь не задержится.

— Порядок, парень? — жизнерадостно гаркнул Газлоу.

Ну да, еще б ему жизни не радоваться: *его-то* не ожидал впереди двухдневный переход через догорающий лес!

Приподнявшись на цыпочки, гоблин хлопнул Арамара по спине.

— Вот тебе и Обугленная долина. Неплохо, а?

Дрелла, их неизменно чистосердечная спутница-дриада, намотала на палец сине-зеленый локон и сморщила носик.

— На самом деле... на самом деле, здесь — хуже некуда. Деревья... и звери... повсюду боль. Такая боль, что и смотреть не хочется.

— А я думала, все живое со временем умирает, — усмехнулась Макаса, напомнив Дрелле о ее же излюбленной присказке.

Губы дриады дрогнули.

— Верно, — откликнулась она. — Но не так *медленно*.

— Ах да, совсем позабыл: природа и все такое, — пожав плечами, сказал Газлоу, имея в виду не просто *природу*, но сокровенные друидические узы, связующие Дреллу и с Азеротом, и со всеми его обитателями. — Уверен, ты к этому скоро привыкнешь. Эй, не хмурься! Зато не замерзнете. И развести костер, чтоб приготовить ужин, вам будет — раз плюнуть!

Но его шутки никого не развеселили.

— Ладно, как пожелаете.

Газлоу вновь потянулся, пританцовывая, обошел отряд, повернулся ко всем лицом и вдруг зашипел, хлопнув себя по заду, видимо, слегка подпаленному шальной искрой.

— Как я уже говорил, дальше мы вас отвезти не сумеем. Нам с Шустром пора уматывать восвояси. Механико-Инженерная Гильдия Азерота не станет откладывать состязаний ни для кого из людей... то есть, инженеров... то есть, в нашем случае, гоблинов.

С этим он подмигнул путешественникам, но в ответ ему подмигнула одна только Дрелла. Кашлянув, Газлоу протянул Араму руку и крепко стиснул ладонь мальчика.

— Эй, парень, как только снова понадобится, — а у тебя при том найдется достаточно звонкой монеты или же достаточно заманчивое деловое предложение, — ты заходи, не стесняйся!

— Непременно, Газлоу, — с усталой улыбкой ответил Арам. — Жди со дня на день.

— Ладно, ладно, довольно шуток! До Дозорного холма Тал'дары отсюда неблизко, — напомнил Газ-

лоу. Еще раз, напоследок, встряхнул Арамову руку и двинулся сквозь столпившихся перед ним путников к трапу.

Все расступились, освобождая ему дорогу, а после, обернувшись, проводили гоблина взглядами. Часть экипажа, включая Шустра с Мавзолем, выстроилась вдоль борта «Пниоблака» и замахала остающимся — возможно, чтоб ободрить их, а может, просто потому что им не терпелось отправиться в обратный путь.

— Осторожней там, парень! — крикнул Газлоу, едва ли не с радостью прыгнув на трап, ведущий в гондолу. — Держитесь сообща! Команда у вас подобралась на славу!

Арамар Торн, помахав ему, согласно кивнул. Да, команда у них подобралась на славу. Просто на удивление. Вместе они прошли через многое, пережили и нападение пиратов, и гладиаторский бой, и сражения, и гонки, и *еще один* гладиаторский бой... Внезапно Арам почувствовал себя невероятно старым, совсем выбившимся из сил, но, покачав головой, прогнал подобные мысли прочь. Путь им предстоял дальний, а первым делом они должны были добраться до Дозорного холма Тал'дары и позаботиться о выполнении обещания, данного Дрелле.

Обдав их порывом теплого, пахнущего морской солью ветра, «Пниоблако» под жужжанье винтов и под пыхтенье машин снялся с места. Арам рысцой подбежал к Макасе — та, делая вид, будто поправляет поклажу на спине, не сводила тревожного взгляда с небес.

— Ты что? — спросил Арам. — Что с тобой?

— Сомневаюсь, что нам удалось оторваться от Малуса, — пояснила Макаса, прикрыв глаза ладонью и глядя вслед уходящему дирижаблю.

— Если нам хоть немного, да повезло, сейчас он в море, за «Раком» гонится, и погоня на время его отвлечет.

Надолго ли? Этого Арам не знал.

Словно бы прочитав его мысли, Макаса поскребла подбородок.

— Отдохнули мы на «Пниоблаке» замечательно, а теперь — ноги в руки и марш!

Встряхнувшись, она взмахом рук созвала всех к себе. Отряд выстроился перед ней полукругом. На левом фланге встал мурлок по имени Мурчаль с обмотанной вокруг туловища на манер жилетки любимой рыболовной сетью, за ним — гнолл Клок с дубиной на плече, далее — Дрелла, дриада невероятной силы, а замыкал строй Арам, снедаемый нетерпением: скорее бы уж сестрица выкладывала, что у нее на уме.

— Прошу прощения! — внезапно воскликнула Дрелла.

Голос полуэльфийки-полуолулененка звучал мелодично, но властно. Прежнее буйство красок, присущее ее внешности, слегка поблекло, обрело приличествующую возрасту сдержанность. Весна Дреллы сменилась летом, хотя для всех остальных лето настало давным-давно. То было одно из обыкновенней дриад, в которых Арам едва-едва начинал разбираться. Удивительно, но даже здесь, среди безотрадного тлеющего леса, Дреллу сумела отыскать уцелевшая бабочка, усевшаяся ей на макушку, а Дрелла, залившись смехом, не стала ее прогонять.

— О! Друг.

— Это важно? — с нажимом спросила Макаса, ущипнув себя за переносицу.

— Да, важно! Если б я только вспомнила, что...
хм-м-м...

Макаса застонала.

— Дай ей сказать, — негромко пробормотал Арам к немалому раздражению сестры. Настрого запрещавшая ему закатывать глаза, сейчас она сама же нарушила свой запрет — в знак того, что думает об Арамовых потаканиях чудачествам дриады.

— Ах, да, вспомнила! — объявила Дрелла, сделав вид, будто ловит упорхнувшую мысль и возвращает ее в рот. — Когда я была желудем, Талисс нашептывал мне множество сказаний о великих героях древних времен, и о том, как они, совершая славные праведные дела, получали славные истинные имена. Я думаю, нам всем тоже самое время обрести собственные *истинные* имена.

Макаса вновь издала стон.

— Дрелла...

— Вы только посмотрите, чего мы достигли. Мы остались живы, пройдя Грудю Костей и Громодром, где я стала Тариндреллой Великолепной, дочерью Кенария, о чем всем вам, конечно, известно! А ты, — продолжала она, указав на Мурчала, тут же залопотавшего, забулькавшего так, что на губах его вздулся огромный пузырь слюны, — ты — Мурчаль Неужалимый! Неуязвимый для скорпидова яда! По-моему, превосходно, а?

— Мргле, мргле, Дрррхла, — согласился мурлок.

— Дрелла! — В глазах Макасы вспыхнул кровавый огонек.